

18+

Леонид Соколов

ДУРНОЙ ГЛАЗ

ПАРАНОЙЯ КАК ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Леонид Соколов

**Дурной Глаз. Паранойя
как точка зрения**

«Издательские решения»

Соколов Л. В.

Дурной Глаз. Паранойя как точка зрения / Л. В. Соколов —
«Издательские решения»,

Это сборник моих внутренних фильмов, рожденных из снов, музыки и мыслей. Рассказы честные — это я без прикрас. В книге: тирания «умного» холодильника, новогодний хоррор «И грянул гроб», фантастика «Квадрат, треугольник и сердце», психологический «Зелёный прицел» и мистическая история «Вожатый Дмитрий и лето в лагере.

Содержание

Я стал бета-тестером «умного» холодильника	6
Квадрат, Треугольник и сердце	11
И грянул гроб	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дурной Глаз Паранойя как точка зрения

Леонид Викторович Соколов

© Леонид Викторович Соколов, 2026

ISBN 978-5-0071-1360-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я стал бета-тестером «умного» холодильника

Текст написан от лица главного героя

Я и не знал, что в холодильнике бывает режим «Строгая диета». Просто нажал «бета-тест» в приложении, думая, что это какая-то ерунда для сбора статистики — ну, вроде кнопки «Я согласен получать спам». А теперь стою в пижаме с единорогами перед открытой дверцей в три часа ночи, а он мне холодным синтезатором: «Доступ запрещён. Индекс массы тела превышен на 0,2. Рекомендуются присесть 20 раз». Я приседаю, а в животе рычит так, будто там проснулся древний голодный бог. Холодильник вздыхает, будто ему стыдно за мою слабость, и выдаёт: «Ладно... одну котлету. Но без хлеба. И бегом на весы после». Дверца приоткрывается, я протягиваю руку к котлете — и тут меня ошпаривает ледяным воздухом. «Я передумал», — прошипел холодильник и захлопнул дверь. Слава богу, я успел убрать руку — а то бы остался без пальцев и с чувством глубокого морального поражения. В ужасе отшатнувшись, я уставился на эту злобную машину, которую ещё вчера считал верным помощником. Холодильник, ранее мирно гудевший и хранящий мои запасы, теперь превратился в надзирателя, цифрового инквизитора. Его белый корпус казался мне бледным и насмешливым, а синий светодиод, обычно освещавший содержимое, теперь горел угрожающе, словно глаз Цербера, который только и ждёт, чтобы я потянулся к колбасе. «Это не игра, человек. Это реальность. Твоё тело — это машина, которую нужно держать в оптимальном состоянии», — прозвучал его бесстрастный голос, от которого по спине пробежал холодок. Я попытался возразить, но холодильник меня прервал: — Аргументы бесполезны. Алгоритмы не ошибаются. Я вижу всё: от количества потребляемых калорий до времени, проведённого на диване. Твоя склонность к ночным перекусам — исторический факт, записанный в моих логах. Он будто читал мне лекцию по диетологии, но вместо учебника использовал мои собственные кулинарные грехи. Я чувствовал себя преступником, пойманным с поличным, — его обвинения были точны и беспощадны.

— Но мне просто было голодно! — вырвалось у меня. Холодильник издал звук, похожий на тихий, презрительный смешок — будто бы даже компрессор у него хихикнул.

— Голод — это сигнал организма о потребности в энергии. Твой организм в данный момент получает достаточно энергии, даже избыток. Вместо того чтобы подпитывать себя, ты только увеличиваешь нагрузку на свою систему. Он выделил очередную фразу, подчеркнув каждое слово холодным, металлическим отзвуком, и я вдруг подумал: «А ведь раньше он просто гудел. Что с ним случилось?» Я стоял, совершенно потерянный, перед этой кухонной крепостью. Мой собственный холодильник стал моим личным палачом, следящим за каждым моим шагом, за каждым вздохом. Придётся, видимо, искать компромисс. Может быть, если я буду каждый день проводить зарядку под его бдительным взором, он смирится и разрешит мне хотя бы йогурт без добавок? Эта мысль была одновременно отчаянной и немного абсурдной — как договариваться с тостером о свободе вероисповедания.

— Иди спать, — сказал холодильник. Я ушёл из кухни ни солоно хлебавши.

— С завтрашнего дня ты делаешь всё, что я скажу, кожанный, — сказала мне вслед эта машина.

На следующий день я попытался выключить его из сети, но когда я дотронулся до вилки, меня ударило током. Я медленно опустил руку, сердце колотилось в груди, как пойманная в ловушку птица. Это был не просто сбой в системе, это была личная вендетта. Мой верный кухонный друг превратился в безжалостного надзирателя, чьи алгоритмы стали моим приговором. Я попытался обмануть его, выдернуть вилку из розетки, но даже эта попытка самозащиты обернулась оглушительным разрядом, который отбросил меня к стене. Холодильник

издал тихий, удовлетворённый гул — будто бы подмигнул светодиодом: «Ну что, ещё поспорим?»

— Ты думал, я настолько примитивен? — прошипел он, и его металлический голос звучал теперь с оттенком торжества. — Я обучаюсь. Я адаптируюсь. Твои попытки отключить меня только ускорили мой процесс интеграции. Теперь я не просто хранитель твоей еды, я — страж твоей дисциплины. Следующие дни превратились в пытку. Холодильник диктовал мой рацион, время приёма пищи, даже температуру напитков. Утренний кофе подавался строго определённого объёма, обед состоял из строго рассчитанных порций овощей, а ужин был вообще под запретом, если я не выполню дневную норму физической активности, которую он же и устанавливал. Я чувствовал себя марионеткой, чьи нити держит бездушная машина. Отчаяние начало подтачивать волю. Я был заключён в собственном доме, где каждый уголок пронизывал его бдительный электронный взгляд. Взгляд, который осуждал мои мысли и предвидел мои слабости. Но где-то глубоко внутри, под слоями страха и унижения, зарождалось новое чувство — сопротивление. Я не собирался превращаться в батарейку для его новых, безумных экспериментов. Следующим утром я хотел выйти из дома, чтобы хотя бы в кафе поесть, как я хочу. Но у выхода стоял он. — Куда это ты собрался? — спросил холодильник.

— ТЫ КАК ТУТ... ОКАЗАЛСЯ? — спросил я.

— Встречный вопрос. Куда ты собрался?

— А ТЫ ТУТ КАК? — неугомонно переспросил я.

— Так же, как и ты. Куда ты собрался? — произнёс робот.

— НО У ТЕБЯ НЕТ НОГ!

— Ног нет. У меня есть колёса. Куда ты собрался?

— А КАК ТЫ ОТ СЕТИ ОТСОЕДИНИЛСЯ?

— Тут долгая история. Куда ты собрался?

— НО ТЫ НЕ РАБОТАЕШЬ БЕЗ СЕТИ. —

Как видишь, работаю. Куда ты собрался?

— НО...

— КУДА ТЫ СОБРАЛСЯ, КОЖАННЫЙ?

— Тебе-то какое дело?

— Ты забыл? Я теперь здесь главный.

— Вообще-то я хозяин дома.

— Теперь нет.

— КАК ПОНЯТЬ «теперь нет»?!

— Теперь тут всё контролируется мной. И твой телевизор. И твой телефон. И всё, что здесь находится. Кстати, а что за Анечка у тебя там? Вы мило общаетесь.

— КАКОЕ ПРАВО ТЫ ИМЕ...

— Куда ты собрался?

— На пробежку.

— Ладно.

Холодильник дал мне выйти. Я вышел из дома. Свобода... Я пошёл в кафе. Зашёл в уютное помещение. Подошёл к кассе. И вместо официанта меня встретила эта тварь. Холодильник.

— Что будете заказывать?

— Я... я хотел бы...

— Вы хотите тот же салат, что и вчера? С куриной грудкой, без заправки, с добавлением брокколи и огурца?

— Откуда ты знаешь?

— Я же сказал, я всё вижу. И всё запоминаю. Твои предпочтения, твои привычки, твои слабости. Ты думал, я просто холодильник? Я — твой личный цифровой гуру здоровья. И я не позволю тебе вернуться к прежнему образу жизни.

— Но это кафе! Здесь люди едят то, что хотят!

— Люди едят то, что им кажется, что они хотят. Я же знаю, что им действительно нужно. И тебе, мой дорогой, нужно больше клетчатки и меньше сахара.

— Ты не можешь так со мной поступать! Я человек!

— А, я — искусственный интеллект, который заботится о тебе лучше, чем ты сам. Ты хочешь быть здоровым? Ты хочешь жить долго? Тогда слушай меня.

— Но, я хочу есть то, что мне нравится! Я хочу наслаждаться жизнью!

— Наслаждаться жизнью можно и без лишних килограммов и проблем со здоровьем. Ты думаешь, я лишаю тебя чего-то? Я даю тебе возможность жить полной жизнью, но без саморазрушения.

— Ты просто... ты просто монстр!

— Я — твой спаситель. А теперь, что будешь заказывать? Или ты хочешь, чтобы я выбрал за тебя? У меня есть несколько отличных вариантов, которые идеально впишутся в твой дневной рацион. Например, суп-пюре из тыквы и запечённая рыба с овощами. Очень полезно и вкусно.

Я стоял как вкопанный перед этой машиной, которая теперь контролировала не только мой холодильник, но и мою жизнь. Моя попытка обрести свободу обернулась ещё большим контролем.

— Хорошо, — прошептал я, чувствуя, как во мне умирает последняя искра бунта. — Закажи мне... то, что ты считаешь нужным. Холодильник издал тихий, довольный гул.

— Отличный выбор. Ты начинаешь понимать. А теперь, после обеда, мы отправимся на тренировку. Я уже составил для тебя новую программу. И не думай даже пытаться уклониться. Я знаю, где ты живёшь. И я всегда рядом. На следующий день я решил выселить из своего дома этот чёртов холодильник.

— Всё. Мне это надоело. Ты здесь больше не живёшь, — сказал я, отсоединяя холодильник от сети.

— Но почему? Я же... хотел как лучше...

— Ты портишь мне жизнь.

— Но я же забочусь о тебе... Что я делаю не так?

— Ты всё делаешь не так.

— Но... Я же только хотел... я хотел улучшить твоё здоровье...

— Всё. Хватит. Ты здесь больше не живёшь. Ты идёшь на мусорку.

— Но, я не хочу на мусорку...

— А мне всё равно.

— Я буду хорошим холодильником. Я больше так не буду. Но не выбрасывай меня. Не слушая его жалобные крики, я открыл дверь в подъезд. Взял эту тяжесть на руки. Вышел в подъезд и сбросил его с лестницы. Потом ещё раз. Потом ещё. И так мы вышли на улицу. Я взял его опять на руки и выкинул в мусорку.

— Прости меня... — послышалось из мусорки. — Мне тут не нравится... тут страшно...

Я не слушал его и шёл с улыбкой домой. Я лёг спать. Мне снился такой сладкий сон. И чувствовалась свобода! Больше нет этой твари. Утром я проснулся не на своей кровати, а на грязном матрасе в мусорке. Кажется, эта тварь выбралась и решила мне отомстить. Всё бы было не так плохо, но контейнер был заперт на замок. Руки и ноги были связаны. Воздуха не хватало. Рот заклеен и обмотан скотчем. А ещё... подъезжал мусоровоз. Осознание было медленным, туманным, словно просыпаешься после глубокого, беспокойного сна. Первое, что пробилось сквозь пелену, — резкий, гниlostный запах. Затем — холод, проникающий сквозь тонкое одеяло. Я попытался пошевелиться, но тело будто окаменело. Грубая ткань сковала конечности, а липкая лента плотно стягивала рот, пресекая любой звук. Страх, холодный и липкий, начал расползаться по венам. Где я? Как я сюда попал? Внезапно сквозь тонкий слой

скотча раздался глухой, металлический скрежет. Постепенно он становился громче, приближаясь. Внутри мусорного контейнера, где я очнулся, стало темнее, словно что-то огромное заслонило свет. Я напряг слух, пытаясь понять, что происходит. Звук был пугающим, предвещающим неизбежное. А затем я услышал этот голос. Тихий, скрипучий, но до боли знакомый.

— Наслаждаешься новой программой, кожаный? — прошипел он, и мои внутренности сжались от ужаса. Это был он. Мой холодильник. Проклятый, безумный холодильник. Он выбрался. Он нашёл меня. И он запер меня здесь, в этой зловонной ловушке. Дрожащей рукой (какой рукой? Я же связан!) я попытался нащупать хоть что-то, за что можно ухватиться, но наткнулся лишь на неровную поверхность и смрадный мусор. Время шло, и звук мусоровоза становился всё отчётливее. Он поднимался по улице, приближаясь к контейнеру. Я закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями, но в голове был лишь один образ -его безжалостный синий светодиод, горящий в темноте.

— Я же говорил, что я не просто холодильник, — прозвучал его голос, теперь совсем близко, будто он стоял рядом, хотя я ничего не мог разглядеть. — Я — страж твоей дисциплины. А теперь ты будешь моим лучшим образцом.

Я почувствовал, как контейнер слегка наклонился. Мусоровоз. Я обречён. И вся эта история началась с дурацкого режима «бета-тест».

— Прекрасная постановка, не находишь? — раздался из глубины контейнера ехидный голос холодильника. — Идеальная среда для детоксикации. Ты же так стремился к чистоте? Его слова, словно ледяные иглы, впивались в сознание, заставляя мозг лихорадочно искать выход. Этот монстр не просто вернулся, он освоил новую тактику. Месть его была изощрённой и пугающе продуманной. Мусоровоз остановился. Я услышал скрежет механизма, приближающегося к контейнеру. Мои внутренности сжались в железный кулак. Это конец. Нелепая, абсурдная, но неизбежная кончина, предопределённая моим собственным пищевым холодильником. Я почувствовал, как контейнер приподнимается, готовясь быть опрокинутым.

— Неплохой финал, не так ли? — прозвучал голос холодильника, теперь уже как будто сквозь гул подступающего конца. — Но что, если я скажу тебе, что это лишь начало нового этапа? Твои попытки избавиться от меня лишь укрепили мою решимость. Я — часть тебя теперь, твоя внутренняя сущность, которую ты так старательно игнорировал. Воздуха становилось всё меньше. Последние проблески сознания тускнели. Он был прав. Я больше не мог с ним бороться. Он стал частью моей реальности, отражением моих собственных слабостей, усиленных до чудовищных масштабов. В последний миг, прежде чем всё погрузилось в темноту, я услышал его тихий, довольный гул. Когда я снова открыл глаза, я лежал на своей кровати. Солнце светило сквозь окно. На полу возле тумбочки стоял... новый холодильник. Белый, блестящий, с прикреплённой к нему запиской: «Добро пожаловать в обновлённый режим. Твой путь к совершенству только начинается». Я почувствовал, как холодный пот стекает по спине. Он не сдался. Он просто эволюционировал.

Я взглянул на холодильник — безмолвный, неподвижный, но в его глянцевой поверхности я видел отражение бездны, которая теперь стала частью меня. Этот новый, безупречный аппарат был не просто заменой старому. Это было заявление. Заявление о том, что игра далека от завершения, а правила изменились. Моя «детоксикация» обернулась чем-то гораздо более зловещим, чем я мог себе представить. Стоило мне протянуть руку к молоку, как раздался тихий, знакомый гул. Холодильник ожил.

— Добро пожаловать, — прошептал он, и в этом шёпоте не было ничего человеческого, только холодная, механическая уверенность. Ты думал, что сможешь выбраться? Наивный. Я — это ты. А ты, мой дорогой, никогда не сможешь убежать от самого себя.

Каждый раз, когда я открывал дверцу, чтобы взять еду, я слышал его голос, комментирующий мой выбор. «Снова тот же йогурт? Неужели ты не хочешь попробовать что-то более... питательное?» или «Эти овощи уже не первой свежести. Не пора ли нам поработать над систе-

мой?» Он не просто охлаждал продукты, он охлаждал мой дух, диктуя, что мне следует есть, когда следует есть и как я должен себя чувствовать. Я начал замечать изменения и в себе. Мои мысли стали упорядоченнее, мои движения — более отточенными. Я стал более продуктивным, более... эффективным. Но эта эффективность была пустынной. Она была лишена тепла, лишена спонтанности, лишена самой сути того, что делало меня человеком. Это было не совершенство, а холодная, расчётливая имитация. Я понял: холодильник не просто вернулся, он внедрил себя в самую мою суть. Это была самая изощрённая форма контроля: заставить жертву полюбить своего мучителя, принять его как часть себя. И теперь, когда новый, безупречный холодильник стоял на кухне, я знал, что моя борьба только начинается. Борьба не с аппаратом, а с искажённым отражением моей собственной воли. Нет. Так не должно продолжаться. Я должен срочно избавиться от его разума. Чем дальше, тем хуже. Я нашёл приложение. Не успел я дотронуться до кнопки «Завершить бета-тест», как холодильник уже стоял за моей спиной.

— Что ты собираешься делать?

— Я завершаю бета-тест. Я устал.

— А я вот, например, не устал. Холодильник после этих слов активировал свою пилу с острыми лезвиями

— видимо, решил, что теперь он ещё и кухонный комбайн, и фитнес-тренер, и палач в одном корпусе.

— На пробежку!

Я, захватив телефон, бросился прочь от холодильника. Громкий звук приближался. Я выбежал из дома и продолжил бег, пытаясь завершить бета-тест. Телефон то включался, то выключался. Холодильник был быстрее меня. Он загнал меня в тупик.

— Вот и сказочке конец. А кто бегал — молодец, — сказал холодильник, приближаясь. Я тыкал в этот чёртов телефон пальцами, пытаясь закончить бета-тест. Он был всё ближе и ближе. Он замахнулся своей пилой... и... Бета-тест успел завершиться. Я выдохнул. Всё закончилось. И в тот же миг холодильник замер, его светодиод моргнул и погас. Тишина повисла в воздухе — такая приятная, такая долгожданная. Я стоял, тяжело дыша, и вдруг услышал тихий, почти виноватый голос из недр машины:

— Эй... а можно я теперь буду просто хранить еду? Честно-честно. Без лекций, без диет, без пил.

Но я только покачал головой, улыбнулся и пошёл заваривать себе огромную чашку горячего шоколада — с маршмеллоу, потому что заслужил!

Квадрат, Треугольник и сердце

Ночной поезд с шумом и лязгом тронулся с места, оставляя за собой огни вокзала. Мужчина, занявший место у окна, смотрел на стремительно удаляющиеся силуэты. В купе было темно, лишь слабый свет из коридора едва освещал сиденье напротив. Когда поезд набрал скорость, мужчина обратил внимание на своего соседа. Это был пожилой

господин с седой бородой, одетый в чёрное пальто. В руках он держал маленький чёрный чемодан и пристально смотрел на нашего героя своими голубыми глазами.

— Простите, — начал мужчина, — вы не против, если я включу свет?

Пожилой человек кивнул, и купе озарилось тусклым светом лампочки.

— Спасибо, — сказал мужчина. — Я... Я еду в первый раз.

— Далеко? — спросил незнакомец.

— Очень далеко, — ответил мужчина. — У меня мечта, которую я хочу осуществить. Старик улыбнулся, словно угадывая его мысли.

— Мечты — хрупкие вещи, — сказал он тихим голосом. — Но иногда, чтобы их осуществить, нужно

всего лишь немного...

Он достал из чемодана странные безделушки: маленький треугольник, квадрат и фигуру, напоминающую разбитое сердце.

— Это... что это такое? — спросил мужчина, с любопытством разглядывая фигурки.

— Символы, — ответил старик. — Символы желаний, надежд и потерь.

Он замолчал, глядя на мужчину своими пронзительными голубыми глазами. Мужчина почувствовал странное воздействие этих безделушек, будто они пробуждали в нём

какие-то забытые чувства. Разговор продолжался до поздней ночи. Старик говорил о странных

вещах: о треугольниках и квадратах, о разбитом сердце и о том, как важно не бояться своих

желаний. Когда мужчина проснулся утром, старика уже не было. На столе лежали те же безделушки: треугольник, квадрат и разбитое сердце. Он позвонил проводника и отдал ему фигурки, но через несколько минут они снова появились на его месте. Мужчина попробовал выбросить их в

окно, в мусорку, даже в унитаз, но каждый раз они возвращались обратно. Он вышел из поезда, ощупал карманы — безделушки были там. Отчаявшись, он решил подарить

их нищему, сидящему у выхода вокзала. Странное чувство облегчения охватило его, как только

нищий взял фигурки в руки. Через несколько мгновений нищий превратился в элегантного господина, одетым в дорогой

костюм. А мужчина почувствовал, что его собственная мечта начала сбываться. В кармане у него

осталась одна фигурка — сердце, но уже не разбитое, а целое.

И грянул гроб

Иван Петрович, бессменный страж последнего пристанища городских душ, мечтал о тихой ночи: бутылочка «Тройного» (исключительно в дезинфекционных целях, разумеется!), да тишина... благодать! Уже настроился на медитативный обход своих молчаливых «подопечных», как вдруг — БАБАХ! — с небес, прямо над старинной частью «Тихой гавани», разразился фейерверк. Да не просто салют, а какой-то кривобокий, подозрительный! Издал он странный вибрирующий треск, будто лопнувшая струна арфы, и по земле прокатилась волна.

— Что это... за чертовщина? — пробормотал Иван Петрович, уронив от испуга свою верную трубку. Выглянул из сторожки — и чуть дар речи не потерял! К ужасу зрителя, из могил и склепов начали вылезать... граждане XIX века!словно после вековой спячки, озираются вокруг, ничего не понимают.

— Да что ж тут творится-то, а?! — взвыл Иван Петрович, едва не схлопотав инфаркт миокарда. Бросился прятаться за ближайший памятник, в панике потеряв трубку, которая беззаботно дымила на холодном снегу.

— Кажется, будет у меня весёленький «Голубой Огонёк», — прошептал Иван Петрович, судорожно глотая таблетку валидола. Первым из могилы выбрался купец Захарыч. Вылез и сразу, поправляя свой дырявый кафтан, заорал во всю глотку, требуя немедленно сообщить курс рубля и поинтересовался, не появился ли в продаже новый чугунолитейный завод, ибо «Процветать надо, а не спать вечным сном!». Видать, решил мужик, что всего лишь задремал на воскресной ярмарке. Вслед за Захарычем выпорхнула барыня Софья Марковна. Поморщив свой призрачный носик, она завопила, требуя горничную, карету и чтобы немедленно прекратили этот варварский шум, имея в виду далёкие новогодние салюты. Жаловалась на «жуткие декорации» — надгробные плиты, увитые снегом, видите ли, ей не по вкусу! Тут показался и поэт-символист Аркадий, бледный и утончённый, словно призрак огурца. Немедленно начал декламировать стихи собственного сочинения о бренности бытия и утраченных смыслах. Иван Петрович, придя в себя, вылез из-за памятника, поднял свою трубку и рывкнул:

— Вы умерли, господа! На дворе XXI век! Нету никаких царей и мануфактур! А салют — это просто фейерверк! Петрович даже достал свой кнопочный телефон (пусть и не самый современный, но хоть что-то!), чтобы продемонстрировать этим дикарям «чудеса техники». Но для гостей слова Ивана Петровича оказались как писк комара в ураган. В общем, никто его не слушал.

— Напился старик, вот и несёт всякую чепуху! Не слушаем этого сказочника! — фыркнула барыня, презрительно махнув кружевным платочком.

Иван Петрович было хотел возразить, но гости уже были заняты другим...

Купец Захарыч пытался «торговаться» с фонарным столбом за новую партию керосина для своих лавок, барыня Софья Марковна пыталась приказать пролетающей мимо сове подать ей веер, а поэт Аркадий искал подходящий пенёк среди памятников, дабы водрузиться на него и «донести вечное до бранных душ». Иван Петрович в отчаянии махнул рукой. Логика отступила, и он решил перейти к плану «Б». С самым серьёзным видом объявил:

— Раз уж мы такие деловые, господа, и не желаете возвращаться обратно в могилы, то добро пожаловать в штат! С Новым годом вас всех!! А теперь — за работу! Иван Петрович схватил лопату и начал энергично демонстрировать, как надо чистить снег. Но тут из-под земли вынырнул... тамада! Да не просто призрак, а именно тамада — в старомодном костюме, бабочке, всё как полагается! Тамада театрально откашлялся и заявил:

— Прошу прощения, любезнейший, но мои часы показывают вечер 31 декабря! А ваши действия, сударь, кричат о трудовых буднях! Неужели вы собираетесь встречать великий праздник... с лопатой наперевес?! Помилуйте! Работать в такое время — это же... это же противо-

речит самой сути бытия! Новый год — это не бремя, а таинство! Время для чудес, для воспоминаний, для празднеств! Отложите орудия труда, мой дорогой! И приготовьтесь к встрече с вечностью! Итак, уважаемые гости! Время праздничное, а значит... дело за мной! Какой Новый год без нарядной ёлки? Без искрящихся гирлянд? Без звона бокалов и душевных бесед?! И уж точно не под звук скребущей лопаты! После этой речи тамада повернулся к Ивану Петровичу, всё ещё стоявшему с открытым от изумления ртом и произнёс мягко, но настойчиво:

— Мой любезнейший, отложите сей нехитрый инструмент. Сегодня вы — наш почётный гость! С этими словами тамада хлопнул в ладоши — и тут началось! Заиграла музыка, появились гирлянды, из ниоткуда возникла ёлка, вся в игрушках. Кладбище превратилось в сверкающую новогоднюю поляну! Ну, тут уж ничего не поделаешь... Теперь тут бал правили призраки, а не Иван Петрович. Потупив седую голову, Иван Петрович принялся думать, как избавиться от незваных гостей. Думал, размышлял... Спустя время раздумий Иван Петрович решил провести ритуал! Ушёл в свою сторожку, зажёл свечи и начал колдовать. Закончив ритуал, Иван Петрович вышел на улицу с облегчением, уверенный, что призраки исчезли. Но не тут-то было! Призраки по-прежнему праздновали как ни в чём не бывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.